

Вакула

Вакула-кузнец — главный герой повести «Ночь перед Рождеством», открывающей вторую часть «Вечеров на хуторе близ Диканьки».

Вакула влюблен в капризную дочь богатого казака Корния Чуба, черноокую семнадцатилетнюю Оксану. Та в насмешку требует добыть для нее черевички (туфельки), какие носит сама царица, — иначе не выйдет замуж за Вакулу; кузнец бежит из села с намерением никогда в него не возвращаться — и случайно прихватывает мешок, в который его мать, сорокалетняя ведьма Солоха, спрятала ухажера-черта, когда нагрянули к ней другие кавалеры. Повторив сюжетный ход повести о святом Иоанне, архиепископе Новгородском, и святом Антонии Римляnine, Вакула исхитряется оседлать черта и, угрожая тому крестом, отправляется в Петербург. Смешавшись с толпой запорожцев, проникает во дворец; выпрашивает у Екатерины Великой царские черевички. Тем временем напуганная Оксана успевает без памяти влюбиться в кузнеца, понапрасну ею обиженного и, может стать, потерянного навсегда. Черевички доставлены, но свадьба состоялась бы и без них.

От сцены к сцене тональность повествования все мягче, все насмешливее; образ «мирового зла», с которым предстоит совладать кузнецу, все несерьезнее. Развязывая мешок с чертом, Вакула задумчиво произносит: «Тут, кажется, я положил струмент свой»; и на самом деле — нечистой силе предстоит послужить «струментом» ловкому кузнецу; не поможет и жалобно-комичная просьба черта: «Отпусти только душу на покаяние; не клади на меня страшного креста!»

Как большинство героев «Вечеров», Вакула прописан в полупоэтичном прошлом. В данном случае это условный «золотой век» Екатерины, накануне отмены запорожской вольницы, когда мир не был еще так скучен, как сейчас, а волшебство было делом обычным, но уже не таким страшным, как прежде. Ведьмы и демоны не то чтобы приручены, но уже не всевластны и подчас смешны. Черт, верхом на котором путешествует Вакула, — «спереди совершенно немец», с узенькой вертлявой мордочкой, кругленьким пяточком, тоненькими ножками. Он скорее похож на «проворного франта с хвостом», чем на черта, избиваемого во время Страшного суда грешниками, каким изобразил его Вакула (Вакула не только кузнец; он еще и богомаз) на стене церкви, до петербургского вояжа. И тем более не похож он на того страшного дьявола в аду, какого Вакула намалюет позже, «во искупление» этой поездки («такого гадкого, что все плевали, когда проходили мимо <...> бач, яка кака намальована!»). Больше того, самый образ оседланного черта отражен во множестве сюжетных зеркал (мать Вакулы, «черт-баба» ведьма Солоха, в самом начале повести неудачно приземляется в печке — и черт оказывается верхом на ней; отец Оксаны Чуб, один из многочисленных ухажеров Солохи, спрятан в мешок, где уже сидит дьяк); то, что смешно, уже не может быть до конца страшно.

Это во-первых; во-вторых, Вакула соприкасается с нечистью, используя зло во благо (хотя бы свое личное благо — не когда-нибудь, а именно в ночь перед Рождеством. По логике «Вечеров», в «малом», календарном времени языческая обыденность настолько отличается от навечерий церковных праздников, насколько в большом, историческом времени ветхая древность отличается от недавнего прошлого. Чем ближе к Рождеству и Пасхе, тем зло активнее — и тем оно слабее; предрождественская ночь дает нечисти последний шанс «пошалить» — и она же ставит предел этим «шалостям», ибо повсюду уже колядуют и славят Христа.

В-третьих, Вакула при всей своей «кузнечной» силе невероятно простодушен. А главное, он самый набожный из всех жителей села; о набожности героя рассказчик

сообщает с мягким юмором, — но возвращается к этой теме неотступно, вплоть до финала. (Вернувшись из «путешествия», Вакула просыпает праздничную заутреню и обедню, огорчается, воспринимает это как расплату за общение с нечистым, которого он на прощание высек, но не перекрестил; успокоение приходит к герою лишь после твердого решения в следующую неделю исповедаться во всем попу и с сегодняшнего дня начать бить «по пятидесяти поклонов через весь год».)

Потому-то Вакула, будучи сыном «ведьмы» и личным врагом обиженного им черта, может лицом к лицу повстречаться с нечистью — и остаться невредимым. Касается это не только основной сюжетной линии, но и побочных ее ответвлений.

Отправленный Оксаною за черевичками (по сказочному принципу «пойди туда, не знаю куда, принеси то, не знаю что»), Вакула должен обрести волшебного помощника — ибо в одиночку ему не справиться. Добрые помощники в повестях цикла практически отсутствуют; потому Вакула напрямик направляется к пузатому Пацюку, про которого все говорят, что он «знает всех чертей и все сделает, что захочет».

Пацюк изгнан (или, скорее, бежал) из Запорожья, что вдвойне нехорошо. Сечь находится за порогом нормального мира, как черт находится за его чертою; но даже из Запорожья за добрые дела не выгоняют. Живет он на отшибе, никуда не выходит; сидит потурецки. Нечто «иное», чуждое, басурманское проступает и в его облике: низенький, широкий, в таких необъятных шароварах, что, когда он движется по улице, кажется, будто кадь идет сама собою. Съев миску галушек, Пацюк принимается за вареники, причем они сами прыгают в сметану, а затем отправляются в рот к едоку. Но даже увидев все это, даже поприветствовав пузатого Пацюка словами: «Ты <...> приходишься немного сродни черту»; даже получив двусмысленный ответ: «Когда нужно черта, то и ступай к черту <...> тому не нужно далеко ходить, у кого черт за плечами», — Вакула все еще не понимает, куда и к кому он угодил. И только лишь сообразив, что Пацюк есть скромное в ночь перед Рождеством, когда положена «голодная кутья», да и то лишь после звезды (тем более что звезды украдены с неба Солохой и ее франтоватым дружкой, который и сидит у Вакулы за плечами, в мешке), Вакула догадывается, кто сидит перед ним. Пацюк не просто «знает всех чертей», не просто «сродни черту»; он и есть самый настоящий черт. А его «хата» — потусторонний мир; вареник, который сам собою попадает в рот Вакуле, — своеобразное мифологическое «испытание». (Живые не могут есть «загробную» пищу.) Любому герою повестей из древней, «мифологической» жизни такой визит в логово «врага» обошелся бы дорого, в лучшем случае стоил бы жизни, в худшем — души. Однако набожный, хотя и не слишком быстро соображающий (по крайней мере, в этой сцене) кузнец запросто покидает «заколдованное место», чтобы буквально в следующем эпизоде оседлать другого черта: поменьше, поглупее и поговорчивее Пацюка.

Затем Вакула мужественно переносит опасный полет — и попадает в Петербург. Это во всех отношениях странное место, плавающее в море огней (как бы поменявшееся «ролями» с рождественским небом), отделенное от остального мира шлагбаумом. А значит, подобно Сечи, пребывающее за порогом. Удивительно ли, что Вакула с чертом немедленно попадают в компанию запорожцев, год назад проезжавших через Диканьку. Продемонстрировав им свое умение говорить «по-русски» («Што, балшой город» — «чудная пропорция»), Вакула с помощью хвостатого «струмента» заставляет запорожцев взять себя во дворец.

С дворцом все тоже обстоит далеко не просто.

Рядом с ангелоподобной государыней оказывается двусмысленный персонаж — плотный человек в гетьманском мундире, который мало того что крив (первый признак «дьяволоватости»), но и учит казаков лукавить. То есть ведет себя, как самый настоящий черт, лукавый. Прямой, этимологический, смысл «темной», демонической фамилии подчеркнут соседством с «лучезарным» титулом «Светлейший» («Светлейший обещал меня познакомить сегодня с моим народом...»). Но простодушный Вакула снова не понимает,

кто стоит перед ним (тем более что образ Потемкина уравновешен в этой сцене образом правдивого писателя Фонвизина, который тоже находится в окружении императрицы и олицетворяет «доброе», честное начало петербургской жизни). И снова духовное неведение сходит Вакуле с рук. Он — не запорожец; он — не лукавит; он мимо Светлейшего Потемкина обращается напрямую к царице, чьи «сахарные ножки» искренне восхищают его, — и потому получает от нее желанные черевички. Тогда как хитрые запорожцы вскоре останутся с носом — Сечь, которую они просят сохранить, ради чего и прибыли в столицу империи, будет упразднена в 1775 году.

Впрочем, упразднение Сечи будет означать не только окончательное завершение «мифической древности», но и «начало конца» романтически-легендарного прошлого. Путь к нестрашной, но скучной современности открыт; малому «дитяти» Вакулы и Оксаны суждена жизнь в мире, где приключения, подобные тем, что выпали на долю Вакулы, станут уже невозможными, ибо старинная нечисть окажется окончательно вытесненной из реальности в область побасенок Рудого Панька и в сюжеты церковных росписей кузнеца Вакулы: «...яка кака намальована!»